

Надруковано: Вышницкая Ю.В. Мифологема зеркала в художественном мире Бродского: «Сонет к зеркалу» / Ю. В. Вышницкая. // Иосиф Бродский в XXI веке: материалы международной научно-исследовательской конференции. Санкт-Петербург. 20-23 мая 2010 г. / под. ред. О.И.Глазуновой. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; МИРС, 2010. – 324 с. – С.185-189. **міжнародне видання**

Ю.В.Вышницкая

(Гуманитарный институт Киевского университета имени Бориса Гринченко)

**Мифологема "зеркала" в художественном мире Иосифа Бродского:
«Сонет к зеркалу»**

Сонет к зеркалу

*Не осуждая позднего раскаянья,
Не искажая истины условной,
Ты отражаешь авеля и каина,
Как будто отражаешь маски клоуна,
Как будто все мы - только гости поздние,
Как будто наспех поправляем галстуки,
Как будто одинаково - погостами -
Покончим мы, разнообразно алчущие.
Ты будешь вновь разглядывать улыбки.
И различать за мишурою ценность,
Как за щитом самообмана - нежность...*

*О, ощути за суетностью цельность
И на обычном циферблате - вечность!*

Первая часть текста стихотворения (в сонете это – тезис) воспроизводит главную функцию "зеркала" – "отражать": зеркало в толковых словарях определяется как "стеклянный или металлический предмет с отполированной поверхностью для отражения находящихся перед ним предметов" [Ожегов 1991: 232]. Функциональная значимость зеркала состоит в "**идентификации**"

отражаемого самому себе: смотрящие в зеркало видят себя ($A=A$), причем различие «авелей» и «каинов» достигается за счет замкнутого, полностью предсказуемого, а значит – тупикового отражения: каждый видит в зеркале свое лицо, свое отражение. Но эта «идентификация» «я» самому себе – условна. Условность истины – условность идентификации – подчеркивается четырехкратным «как будто» и лексемами с семантикой «общности, одинаковости»: «мы», «одинаково», «погостами», «все мы». Кроме того, идентификация (одновременно - уравнивание) «разнообразно алчущих» эксплицируется «масками клоуна». Так проявляется свойство намеренного искажения зеркала, приводящего к выравниванию, неразличению тех, кто вне зеркала (хотя – в то же время – «*Не искажая истины условной*»): «*Ты отражаешь авеля и каина, / Как будто отражаешь маски клоуна*».

С другой стороны, функция отражения репрезентирует «зеркало» как «дробящий», «различающий» отражаемое артефакт. И здесь возникает гносеологическое состояние "неузнавания" себя, а значит – сомнение, связанное с самоуглублением. Процесс внутренней рефлексии актуализирует практически однородные состояния суетности, бессмысленности, тоски, печали, усталости, пустоты. "Зеркало выступает здесь как средство знания и самопознания" [Зеркало 1988: 47]. "Вхождение в себя" (в отличие от внешнего зеркального отражения ("я смотрю на себя")) открывает путь, который, кстати, не прямой и не легкий, к осознанию уникальности своего "Я", "божественного и неограниченного в себе" [Левин 1965: 9].

Не удивительно, что зеркало, "отражающее, дробящее, раздваивающее", способно на "оптический обман": оно показывает лишь «*истину условную*». И скрывает, таким образом, свой мир "зазеркалья" – мир глубинного смысла. Закрытое, табуированное пространство зеркала размыкает свои непроницаемые границы лишь в гносеологически-онтологическом пространстве-времени, в котором суетность условного «*разнообразия личности*» сменяется «ценностно-цельным» миропредставлением.

В мифопоэтической модели мира Бродского образ-атрибут "зеркало" способен моделировать пространство, подчеркивая таким образом его вторичность, подчиненность [см. об этом: Топоров 1997: 466]. Мифопоэтический хронотоп – производное мифологизированного сакрального (ибо причастного Творению, Космосу) атрибута – заражается внутренними свойствами его творца-вещи и становится, по сути, его альтер эго.

"Зеркало " в стихотворении создает пространство особого онтологического типа, мифопоэтическое время в котором словно застыло. Осознание времени как вечности рождает образы, окутанные такой же дымкой таинственности, как и сам хронотоп: *«щит», «циферблат»*. Мотив цикличности, бесконечности, повторяемости актуализируется здесь в «круглых» формах образов-атрибутов (что, по сути, усиливает «бытийную» семантику лейтмотива вечности).

Зеркало все разгадывает – отражает. При этом оно из простой материальной вещи превращается в разумное существо, способное *«разглядывать улыбки», «различать за мишурую ценность»*, что приводит к трансформации атрибута в концепт.

Зеркало, *«не искажая истины условной»*, искажает не образ смотрящего в него (предавшего и преданного, раскаявшегося и простившего), а образ, отражающийся изнутри. Искаженный образ, выходящий из зеркала, пытается скрыть свою чуждость и максимально идентифицироваться с тем – вне зеркала. Последний, загипнотизированный зеркальным "двойником", ищет сходные черты и совпадения,

Как будто все мы - только гости поздние,

Как будто наспех поправляем галстуки,

Как будто одинаково - погостами -

Покончим мы, разнообразно алчущие.

Зеркало-гносеологический объект можно назвать единственно точным уникальным "барометром истинности", способным к самому глубинному и не доступному другим объектам отражению.

Именно способность зеркала "сказать истину" и лежит в основе его **онтологической функции**. Возможность "истинного знания" сближает "зеркало" с "книгой": книга наполнена образами, отражающими (под определенным углом) действительность или существующие полимиры универсума, зеркало – отражаемыми объектами/субъектами (не имеет значения, это – отражение того, что вне зеркала, или того, что внутри него). И в том и в другом случае это – тени-корреляты "оригиналов".

Саморефлексия субъекта, порождаемая "зеркалом", влечет за собой **аксиологическую потенциальность объекта**: "зеркало" предполагает ценностный "рост" смотрящего в него (а значит – в себя): маски «авелей» и «каинов», маски «гостей поздних», «наспех поправляющих галстуки», сменяются улыбками – «мы» «раскладывается» на «я».

«Зеркальный» хронотоп «Сонета...» репрезентирует "идею прогрессивно нарастающего развертывания, распространения" [Топоров 1997: 8], причем "разворачивается" пространство вглубь себя. (Характерно, что «разрастание» имеет и четкую «формальную» природу: если первая часть текста стихотворения актуализировала «вертикально-горизонтальную» ограниченность («галстуки», «погосты»), то вторая моделирует «объемный» мир с помощью «круглых» образов «щита», «часов» и семантической доминанты «цельность»). «Образ, попадающий в это открытое пространство, обретает свободу "внутри себя", через серию последовательных ограничений, повторных возвращений к своему "Я"» [Топоров 1997: 468], так как зеркало способно «различать за мишурою ценность».

Открытость, свобода внутри "себя-зеркала" выводит зеркало из очерченных им самим же рамок: кроме отражения «авелей» и «каинов», зеркало **актуализирует «рефлексию, самоанализ»** [Цивьян 1995: 10], выводящие «щит самообмана» в

иное, космическое пространство, в котором «...за суетностью цельность / И на обычном циферблате – вечность!».

Объективированный «лично-интимным» (сближающим таким образом всех) местоимением «ты» интенционал образа-мифологемы реализуют четыре **концептуальные модификации "зеркала"**: оно – отражающее, разглядывающее, различающее и ощущающее.

Если «отражающее зеркало» репрезентировано импликаторами «условной истины»: обезличенным и обобщающим «мы», «все мы», «одинаково – погостами», фальшивыми, неестественными «масками клоуна», то «разглядывающее зеркало» (трансформируясь из атрибута в анимо-аниматический объект) становится свидетелем «освобождения» «я» от гнета «мы» (что подчеркивает смена «масок» «улыбками»). «Различение», а потом – «ощущение», на которые способно «зеркало», делают его **онтологическим объектом, верифицирующим бытие**. Этот переход "зеркала" влечет за собой серьезный концептуальный сдвиг, связанный с разоблачением «унификации» и с разграничением «истины условной» и «истины истинной», - последние четыре строки сонета построены на четких бинарных оппозициях: «мишура – ценность», «самообман – нежность», «суетность – цельность», «обычный циферблат – вечность». Но – что интересно! – противопоставления снимаются благодаря тому, что члены оппозитивных пар имеют одну концептуальную природу: именно «за мишурую» можно различить «ценность», а «за щитом самообмана – нежность», именно «за суетностью» можно ощутить «цельность», а «на обычном циферблате – вечность» - то есть в этом мире, в мире реальном, где – истинное бытие: маски и улыбки, суетность и цельность. Как и книга, зеркало наделено номинативно-ономасиологической функцией "вещать", открывать будущее, а значит – помогать "овладевать" истинным знанием, приближаться к центру пути.

Список использованной литературы:

1. Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. 1, ст. 1. - СПб, 1861.
2. Зеркало. Семиотика зеркальности. Труды по знаковым системам XXII. Вып. 813. – Тарту, 1988. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 23 издание. - М., 1991.
3. Золян С.Т. Поэтическая семантика и семантико-композиционная организация поэтического текста. – Ереван, 1988.
4. Левин Ю.И. Структура русской метафоры // Труды по знаковым системам, 11. Вып. 181– Тарту, 1965.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 23 издание. – М., 1991.
6. Топоров В.Н. Пространство и текст (Из работ московского семиотического круга. Составление и вступительная статья Т.М.Николаевой.) – М.: "Языки русской культуры", 1997.
7. Цивьян Т.В. Взгляд на себя через посредника: "себя как в зеркале я вижу..." // История и география русских старообрядческих говоров. – М., 1995.